

УДК 575.17:599:9

**М.В. Ульянова¹, М.Б. Лавряшина¹, В.В. Николаев²,
И.В. Октябрьская², В.Г. Дружинин¹**

¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: lmb2001@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: siem405@yandex.ru

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЯ: ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА В ДИНАМИКЕ ФАМИЛЬНОГО СОСТАВА*

В статье приведены результаты изучения фамильного фонда челканцев, кумандинцев и тубаларов Северного Алтая за период с конца XIX до начала XXI в. Исследование проведено с использованием изонимного подхода к оценке динамики генетико-демографической структуры коренных народов региона. Показан невысокий уровень родства по изонимии между поколениями различных североалтайских популяций. Современный фамильный состав, являясь показателем сложной этнической ситуации, отражает влияние различных социально-экономических и демографических факторов и процессов (это прежде всего миграции и ассимиляция), протекавших и протекающих на территориях расселения коренных народов Северного Алтая.

Ключевые слова: кумандинцы, тубалары, челканцы, коренные малочисленные народы, антропонимия, изонимия, миграции, фонд фамилий.

Введение

В XX в. территория Сибири осваивалась в ходе широкомасштабных миграционных процессов – переселенческого движения в начале века, индустриализации, массового переселения в годы Великой Отечественной войны, промышленного освоения региона в 1950–1970-х гг. На рубеже XX–XXI вв. политика государства изменилась со «сдвига производительных сил на восток» к «саморазвитию регионов».

По мере социально-экономических трансформаций в регионе менялась демографическая ситуация. Коренное население Северного Алтая, будучи вовлеченным в политические и социально-экономические процес-

сы страны, приобрело специфические черты этнического и демографического развития, которые получили отражение в особенностях его самоидентификации и степени сохранности. По итогам переписи 2010 г., в числе коренного населения Северного Алтая кумандинцев было 2 892 чел., тубаларов – 1 965, челканцев – 1 181 чел. [Итоги Всероссийской переписи...].

Впервые проблема демографии народов Сибири, в т.ч. Алтая, была поднята в исследованиях областников. Один из лидеров движения регионализма Н.М. Ядринцев, опираясь на статистические сведения и свидетельства современников, отмечал негативные последствия культурных контактов пришлого и аборигенного населения [1891]. Остро обозначив проблему «вымирания инородцев», он положил начало общественно-политическому дискурсу и стал предтечей изучения социально-демографических процессов среди автохтонных народов Сибири.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00821а и государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/64.

В конце XIX в. было организовано первое демографическое обследование населения инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов. Подворная перепись в рамках Алтайской статистико-экономической экспедиции 1897 г. проводилась в целях подготовки землеустройства региона для размещения переселенцев из европейской части России [Горный Алтай..., 1900–1903].

К изучению этно- и социально-демографических процессов в среде коренного населения Северного Алтая российская наука вернулась во второй половине XX в. К рубежу XX–XXI вв. исследования перешли на качественно новый уровень. В этот период был реализован ряд проектов, отправной точкой которых можно считать дискуссию о строительстве Катунской ГЭС [Нечипоренко, Октябрьская, 2003; Октябрьская и др., 2000].

Развитие междисциплинарного подхода к изучению современных процессов среди автохтонов Алтая обусловило появление проекта «Малочисленные коренные народы Северного Алтая: реальность и перспективы. Междисциплинарный мониторинг исчезающих тюркских этносов: диагноз и прогноз. 2001–2003 гг.», реализацией которого на материалах по кумандинцам, тубаларам и челканцам занимались этнографы Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, сотрудники лаборатории генетики Кемеровского государственного университета (КемГУ) и отдела социологии Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН [Октябрьская, Ульянова, Лавряшина, 2005; Соболева и др., 2004; Ульянова, Лавряшина, Октябрьская и др., 2002; Ульянова, Лавряшина, Зайцева и др., 2004]. Одним из итогов работы по проекту стал вывод о высоком уровне метисации автохтонного населения. К аналогичным заключениям пришли А.Н. Кучер, В.Н. Тадинова и В.П. Пузырев [2005], исследовавшие половозрастной состав, фамильную и родовую структуру челканцев с. Курмач-Байгол. Работы генетиков также подтвердили суждения этнографов о сложных социально-демографических процессах в среде коренного населения [Харьков и др., 2007].

В ходе выполнения комплексных программ по этнодемографической проблематике коренных народов предгорий Северного Алтая [Николаев, 2009, 2012, 2013; Лавряшина и др., 2013; и др.] были обозначены новые направления, методы и подходы.

Характеристика динамики фамильного фонда коренного населения Северного Алтая XIX–XX веков

Оригинальным, но мало востребованным в сфере этнодемографии источником был признан фонд фами-

лий коренного населения Северного Алтая. Следует отметить, что фамилии и прежде изучались в рамках историко-этнографических [Боргояков, 1972; Бутанав, 1994; Кимеев, Функ, 1989; Кривоногов, 1998; Тадина, Ябышпаев, 2003; Функ, 2005; Чиспияков, 1978] и популяционно-генетических [Ревазов, Парадеева, Русакова, 1986; Ельчинова, Кривенцова, 2004; Лавряшина и др., 2011; Cavalli-Sforza, Bodmer, 1971; King et al., 2006; Bouden, Bolarques, King, 2007; Longley et al., 2011] исследований, а также привлекались для анализа динамики генетической структуры и демографических процессов [Балановская, Балановский, 2007; Кучер и др., 2007; Лавряшина и др., 2010].

Возможности использования данного источника признавались ограниченными ввиду непродолжительной истории использования фамилий у коренных жителей Сибири. Некоторые исследователи полагают, что фамилии тюркоязычных народов априорно считаются непригодными для их использования в качестве генетического маркера вследствие, как правило, их недавнего возникновения и, соответственно, недолгого существования [Ельчинова, Зинченко, 2010]. Однако в последнее время стало появляться все больше работ, основанных на анализе фамилий при изучении сибирских народов, в т.ч. тюркоязычных [Челухоева, 1994; Лузина, Колбаско, Лотош, 2006; Кучер и др., 2007; Лавряшина и др., 2009; Ульянова, 2010; Ельчинова, Зинченко, 2010].

Для оценки феномена фамилий у тюркоязычных народов Алтая необходимо остановиться на их происхождении. В культуре коренных жителей региона долгое время сосуществовали аутентичные и русские антропонимы. Переход к русской антропонимической модели был напрямую связан с крестьянской колонизацией и созданием сети поселений Алтайской духовной миссии.

Принятие аборигенным населением православия сопровождалось именованием в соответствии с православным канонам и фиксацией в метриках отчества и фамилии, закрепление которых определяли несколько факторов. В первую очередь стоит обратить внимание на изначальную престижность «русского» имени. Даже в XIX в., а возможно и ранее, среди некрещеных автохтонов распространяются адаптированные варианты христианских имен и имена, привнесенные пришлым населением: Андрюшке, Антип, Аринке, Ванька, Васька, Клавдя, Петрушкэ, Петька и т.д.

На начальном этапе христианизации принятие крещения зачастую сопровождалось отрывом автохтона от родной среды как в духовном (разрыв отношений с родственниками и др.), так и в физическом (переселение в миссионерское поселение) плане. Это обусловило сосуществование двух систем именования – традиционной и православной канонической. Область применения аутентичного именни-

ка постепенно сузилась до рамок бытового общения. Формирование и функционирование двуименности на общесибирском материале продемонстрировано А.А. Люцидарской [1996].

Известно, что традиционная антропонимическая модель коренного населения Алтая включала индивидуальное имя, имя отца и название рода. В связи с активными переселенческими процессами в XVIII–XIX вв. у автохтонного населения появились отчества и фамилии, образованные по русскому типу [Тадина, Ябышпаев, 2003; Функ, 2005]. Записи в метрических книгах конца XIX – начала XX в. свидетельствуют о формировании новой антропонимической модели, в которой сохранялась традиционная трехчленная структура; при этом название рода сменилось фамилией, сконструированной по русскому образцу. Кроме того, в метриках фиксировалось двучленное именование человека (имя-отчество) для родителей новокрещеных. Лишь в отдельных случаях в записях, которые вели миссионеры, отражалась фамилия отца прозелита. Например, в метрической книге Покровской церкви с. Сузопского за 1897 г. значится, что Захарий (изначально Саклак) – сын умерших некрещеных инородцев улуса Шаландайка Алексея Кузилекова Сабыткова и Мандып Сузуруковой – крестился в возрасте 95 лет (ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 354. Л. 57).

Согласно записи в метрической книге церкви Казанской Богородицы с. Паспаул за 1898 г., Евдокия (изначально Саначак) – дочь умершего татарина шаманиста Ермолая Соеноша Менуша и Мачас Адариной – крестилась в возрасте 7 лет (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 183. Л. 14).

Считается, что у южных алтайцев фамилии давались либо по имени предка, либо по названию родов – сеоков; они распространились относительно недавно – в начале XX в. [Шатинова, 1970]. У северных алтайцев существовали аналогичные принципы образования фамилий; при этом использование антропонимов в современном варианте стало устойчивым не позднее начала XIX в. [Функ, 2000]. Отметим, что в пограничной зоне контактов автохтонов («быстряны», «тагапцы», «тогульцы» и др.) и переселенцев внедрение русской антропонимической модели началось раньше – в конце XVIII в.

Обратимся к проблеме генезиса автохтонных фамилий. Анализ материалов метрических книг позволяет говорить о том, что в большинстве случаев для образования фамилий новоиспеченных христиан использовали отчество прозелита. Однако в ходе трансформации антропонимической модели был пропущен этап функционирования прозвищных отчеств, отмеченный у русских В.К. Чичаговым [1959]. По сути в ходе крещения происходило закрепление отчества отца в качестве фамилии новокрещена.

В метрической книге Покровской церкви с. Сузопского за 1916 г. значится, что Александр (изначально Сандра) – сын инородцев айла Елейский Захара Тарасова и Кыскэ Ивановой – крестился в возрасте 26 лет; одновременно была крещена его дочь. В записи о крещении девочки ее отец поименован уже как Сандра Тарасов (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3060. Л. 28).

Другой пример из метрической книги Макарьевской церкви с. Макарьевского за 1915 г.: Анна (изначально Таныбас) – дочь инородцев шаманистов с. Сарыбашев Андрея Апышаева и Тоиш Паевой – крестилась в возрасте 20 лет. В следующей записи отмечено крещение ее дочери, при этом указано отчество и фамилия мамы: Анна (Таныбас) Андреева Апышева (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2852. Л. 32).

В процессе создания фамилий автохтонов, возможно, использовались и их имена. На это указывает, например, зафиксированная в одной из метрических книг Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии фамилия Корты, которая в одной из следующих записей фигурировала уже в ином варианте – Кортин (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1381). Стоит отметить, что традиционное именование (Корты или Кортю) новокрещена несколько раз встречается на страницах метрических книг. Согласно нашим полевым материалам, большинство информаторов основной своих фамилий считают имена и прозвища предков: Ак-паш (досл.: «Белая голова») – Акпашев, Алтайчин – Алтайчинов, Сатлай – Сатлаев, Серке – Серкин, Чекоон – Чеконов и т.д. Лишь отдельные информаторы предлагали иные объяснения. Так, один из них связывал происхождение фамилии Белековы со словом «б(п)лек», которое переводил как «предплечье», и предполагал, что его предки были работящими и трудолюбивыми – богатыми. При этом верное написание данной фамилии – Пилековы (ПМА, 2008, с. Красногорское, Турачак). Однако это лишь версия респондента, генеалогические познания которого ограничены двумя – четырьмя поколениями.

В с. Турачак были собраны сведения о сеоке юс (ПМА, 2008, с. Турачак). По словам информатора, родоначальником сеока стал Чокоон, имена детей и внуков которого положили начало нескольким тубаларским фамилиям. Отметим, что Л.П. Потапов, зафиксировавший две легенды о происхождении сеока юс, также связывал его истоки с зайсаном Чоконом: «Сеок Юс, составлявший Южскую волость, по преданию, произошел от сеока Кондош. В предании говорится о девушке из сеока Кондош, родившей ребенка, отца которого она затруднялась назвать. Мальчик получил имя сеока матери. От этого мальчика впоследствии пошло потомство. Когда потомство достигло ста человек, оно с согласия сеока Кондош выделилось в особый сеок, получивший числовое название Юс, т.е. сотня. У сеока Юс, как только он отделился, появи-

лись свои зайсаны. Первого из них звали Чокон. С тех пор до упразднения зайсанов в 1912 г. в Южской волости правило 10 зайсанов. Следовательно, зайсан Чокон жил, если считать, что каждый зайсан (власть их была наследственная) жил в среднем по 30 лет, примерно в середине XVII в. Другое предание объясняет появление Юс среди Кондошей по-иному. Была война между сойонами, жившими по левобережью Катуня, и юсами. В результате ее были истреблены все юсы, за исключением беременной женщины, которую затем приютили комдоши. Родившийся от нее мальчик по отцу был юс, и его-то потомство позднее выделилось из состава комдошей. По записям С.П. Швецова, тубалары Южской волости считают себя остатками особого народа, коренного обитателя данных мест, ныне занятых тубаларами» [1969, с. 51].

Отслеживая происхождение фамилий у народов Сибири, А.А. Люцидарская отмечает, что, как правило, «фамилия определялась отчеством или прозвищем, исходя из родовой принадлежности. Не вполне ясно, как получали фамилию крещеные аборигены в тех случаях, когда она происходила от русского канонического имени (Лука Васильев). Уместно предположить, что в подобной ситуации фамилия давалась по имени крестного отца» [1996, с. 94]. Эта схема имела в Сибири универсальный характер – в среде коренного населения Северного Алтая были носители фамилий Михайлов, Николаев, Павлов и др.

С учетом специфики христианизации Северного Алтая и распространенности практики повторного обряда крещения необходимо признать широкие возможности для изменчивости фонда имен и фамилий коренного населения. Не стоит также забывать о вариативности написания фамилий и неустойчивости их форм в документообороте вплоть до 1920–1930-х гг. Относительно «молодая» североалтайская антропонимическая модель активно развивалась до середины XX в. Например, зафиксирован факт выделения фамилии Бачетковых из клана Санжанакowych. Данное событие исследователи относят к 1930-м гг. [Бельгибаев, 2004]. О динамичности происходивших трансформаций можно судить на примере улуса Шатобал Кондомо-Елейской волости. В посемейных списках улуса в начале XX в. фигурировало восемь фамилий: Шитобаловы – 11 семей, Чуудиновы – 2, Тотушевы – 1, Сурубашевы – 1, Солтыгашевы – 1, Камзараковы – 1, Акбашевы – 1, Васильевы – 1 семья (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2637. Л. 2–3). В переписи 1917 г. часть из названных фамилий отсутствует, а общее количество фамилий достигает 10: Шатобаловы – 17 семей, Чуудековы – 6 (возможно, соответствуют Чуудиновым), Татушевы – 1, Салтыгашевы – 1, Алековы – 1, Куегашевы – 1, Маннаховы – 1, Саргашевы – 1, Тукмашевы – 1, Тукпаевы – 1 семья (ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 778). Данные материалы позволяют утверждать, что в течение двух

десятилетий улус Шатобал оставался моноэтническим, в нем преобладала одна фамилия, с которой была связана история появления этого поселения.

Трансформация семейного состава характерна и для Быстрянского прихода, население которого включало кумандинцев и телеутов. «Быстрянцы» были полностью христианизированы и на рубеже XIX–XX вв. уже мало чем отличались от окружающих их переселенцев в силу активно протекавших ассимиляционно-аккультурационных процессов. По данным метрических книг, в 1888 г. на этой территории проживали носители 33 фамилий: Арыков, Башмаков, Бабушкин, Бедарев, Брагин, Бусов, Бычков, Вдовин, Голов, Голых, Евтифеев, Зяблицкий, Кайгородов, Карпов, Козлов, Кузовников, Кусков, Малышев, Манеев, Олькин, Параев, Полосухин, Семенов, Сергеев, Скударнов, Соколов, Софронов, Суртаев, Табакаев, Тузиков, Фоминский, Чернов, Чучумашев (ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 365).

К 1915 г. количество фамилий сократилось до 24 антропонимических единиц: Бедарев, Брагин, Бычков, Вдовин, Голых, Евтифеев, Зяблицкий, Инычечков, Карпов, Козлов, Кузовников, Манеев, Параев, Семенов, Сергеев, Скударнов, Соколов, Софронов, Суртаев, Табакаев, Тузиков, Угачев, Фоминский, Чернов (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2785).

На территории Кебезенского отделения проживали в основном тубалары и кумандинцы, крещеные и «шаманисты», а также еще не принявшие православия челканцы. По данным метрических книг, в 1892 г. здесь было зафиксировано 20 антропонимов: Абаков, Адлыков, Бийгечечков, Занзаров, Зяблицкий, Каддыдаков, Казагачев, Кайрагачев, Коноплин, Кучиков, Пыжанкин, Суртаев, Тадыков, Тарбаганов, Тонгоров, Тубатов, Тултин, Тюбектеев, Чееков, Эдоков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 90). К 1910 г. в результате активизации прозелитической деятельности в регионе количество фамилий резко увеличилось до 46 ед.: Абышев, Арчудаев, Боченов, Евтифеев, Егоркин, Елдошев, Зяблицкий, Кадасов, Казагачев, Казаков, Каланов, Козлов, Кортин, Корты, Кочичев, Куманов, Курумчин, Кучуков, Кыдатов, Кырлачев, Кыргызов, Откоков, Павлов, Пакисов, Ристархов, Сарыкпанов, Себикив, Соколов, Софронов, Суртаев, Табакаев, Тататаков, Титанчиков, Тодуев, Туйбешев, Чедурев, Чижеков, Чучумашев, Шебалин, Штанаков, Экибашев, Элдеков, Юдаков, Ябынаков, Яманчираев, Яндыков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1381).

В Макарьевском отделении преобладали кумандинцы, большая часть которых приняла крещение; здесь также проживали ассимилированные группы «быстрянцев», «тагапцев», «тогульцев», что нашло отражение в антропонимии региона – 102 фамилии: Абышкин, Актелов, Алан(п)ов, Алеков, Аныштаев, Ащанулов, Башмаков, Барысов, Батин, Бедарев, Бед-

реев, Бекишев, Борисов, Бусов, Бычков, Веселков, Евтифеев, Еремеев, Зяблицкий, Зырянов, Игнашкин, Инереков, Итегешев, Кабыдаев, Кайбичев, Каймаков, Какышев, Калманов, Камзыраков, Камзычаков, Канчигашев, Каптыяков, Карастанов, Карпов, Келишев, Кириянов, Кишкенева, Коктыеков, Кулечек, Кундюзаков, Кутюшев, Кучуков, Куюков, Кызлаков, Лашутин, Майрыгачев, Максаров, Малышев, Манжин, Меншиков, Миколушев, Михайлов, Моногошев, Набытов, Осипов, Павлов, Парфенов, Пастаев, Пилин, Платаков, Покунаев, Полосухин, Почпоков, Ромашев, Сапошев, Саклаков, Салагин, Сарачаков, Сарыбалыков, Семенов, Силин, Скударнов, Соколов, Софронкин, Степанкин, Сузопов, Сурубашев, Суураков, Тельтеков, Темдеков, Токшунаков, Торбоков, Тостоков, Тудушев, Тузиков, Тыдыков, Тырышев, Тюрюшев, Укунаков, Ундлек, Чагыров, Ча(и)штанов, Чинчикеев, Чичканаков, Шадрин, Шахов, Шукшин, Эмек, Эрленек, Юдин, Яндыпашев, Яныспаев (ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 350, 375).

К 1916 г. в связи с выделением из Макарьевского отделения новых церковно-административных единиц Алтайской духовной миссии разнообразие фамилий сократилось до 36 ед.: Арбогосов, Башмаков, Бычков, Евтифеев, Егоров, Зырянов, Зяблицкий, Каралькин, Карачаков, Кашкаров, Кириянов, Кобылдаев, Куличек, Кучуков, Кызлаков, Лашутин, Майрыгачев, Максимачев, Малышев, Набытов, Парфенов, Покоев, Полосухин, Приезжев, Сарыбалыков, Сарычаков, Сидоров, Скударнов, Соколов, Софронкин, Тельтеков, Торбоков, Тузиков, Чепучина, Шахов, Шукшин (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2852).

На территории Паспаульского отделения проживали в основном тубалары, большая часть которых была крещена к концу XIX в. С 1899 (59 фамилий) до 1910 г. (57 фамилий) структура антропонимии здесь не претерпела существенных изменений, но фонд фамилий подвергся значительной трансформации. Метрические книги за 1899 г. в Паспаульском отделении зафиксировали следующие антропонимы: Адюка-Маскачаков, Алтачин, Анасов, Бедеев, Бедушев, Евфимов, Казанаков, Казанцев, Кармышев-Адуков, Картоков, Качкынаков, Кедеев, Кинденев, Колоников, Колончин-Штанаков, Куйрагачев, Куйруков, Кумандин, Кучуганов, Кыдыланов, Маспачаков, Оськин, Параев, Поклонов-Тектиев, Реншикин-Тыдыков, Саналов-Табраев, Санзаров, Сарбашев, Сарыбашев, Скударнов, Софронов, Табакаев, Тазрашев-Табачаков, Тедеев, Телезек, Тозыяков, Толдыев, Тоолоков, Торзомоев, Трушкоков, Трышканов, Тубин, Турашев, Тыдыков, Тюймешев, Тюшкенеков, Уйгучаков-Чичканаков, Хабаров, Чевалков-Табышев, Чечеев-Трушкоков, Чистобаев, Чичаков, Чолтуков, Шимков, Штанаков, Штанаков-Адарин, Эдоков, Энтиев, Юльчииков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 183).

В 1910 г. указаны: Адуков, Алагыз, Алмадаков, Алушкин, Апанов, Апасов, Арчидаев, Атлыков, Балыкчин, Борисов, Деничек, Кайгородов, Казаков, Каланаков, Капчинаев, Карпов, Кедегешев, Керекиков, Кестегешев, Кинденев, Кокояков, Коктыеков, Кокшиеков, Коноплин, Кортин, Куйруков, Мойнаков, Оскин, Очек, Параев, Пронькин, Саблашев, Сартаков, Сарыбашев, Сарычаков, Семтешев, Серкин, Суртаев, Табачаков, Тадыжек, Тадышкин, Таканаков, Танзыков, Тартыков, Телеков, Тельгер, Тобоков, Тостоков, Трушкоков, Тыдыков, Чанчибаев, Чеконев, Ченчеев, Чинденев, Чучушев, Ычкыраков, Юльчиеков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1688).

На территории Старобардинского прихода проживали «иногородцы», близкие в этнокультурном плане к прихожанам Быстрянского прихода, а также новокрещенным из числа кумандинцев. В метрической книге 1883 г. были зафиксированы 20 фамилий: Ананьин, Аникин, Ашелев, Бусов, Еремеев, Закладов, Зяблицкий, Кайгородов, Кадрин, Касарев, Лашутин, Мальцев, Нехорошев, Романов, Руфеев, Скударнов, Соколов, Софронов, Суртаев, Таскарин (ГААК. Ф. 144. Оп. 2. Д. 97); в 1916 г. – 25: Абышев, Андреев, Бусов, Бычков, Голь, Еремеев, Зяблицкий, Кайгородов, Каралькин, Карпов, Козлов, Кузовников, Манеев, Милованов, Моисеев, Нехорошев, Петрушов, Скударнов, Соколов, Софронов, Суртаев, Тузиков, Укунаев, Хмелев, Ярков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3058).

Прихожане Солтонского прихода представляли собой ассимилированное население из числа «тагапцев» и «тогульцев», а также новокрещенных кумандинцев. По данным метрик, антропонимическая структура «солтонцев» в 1887 г. включала 34 фамилии: Авгашев, Акчелов, Аргоков, Арюков, Башлыков, Башмаков, Белов, Бычков, Гилев, Гурьев, Екимашев, Емек, Еремеев, Зырянов, Индикев, Кайбичев, Калачев, Камзараков, Карчирин, Каширин, Какышев, Онуфриев, Пилин, Попов, Салогошев, Салтыгашев, Сарубашев, Солмачаков, Таскачаков, Типереков, Торбоков, Цынчапов, Чигашев, Щерлыкаев (ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 354); в 1915 г. – 29: Актешев, Ануфриев, Аргоков, Башлыков, Белов, Бычков, Вагин, Гилев, Индикев, Кайбичев, Какышев, Калачев, Камзараков, Каширин, Копейкин, Куртуков, Кызлаков, Попов, Сатубалов, Сгибнев, Созопов, Соколов, Сурубашев, Табакаев, Тепереков, Тимашев, Торбоков, Шатамаев, Шукшин (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2860).

В 1893 г. из состава Макарьевского отделения было выделено Сузопское. В 1895 г. в метриках зафиксированы 42 фамилии: Адыяков, Актелов, Акучаев, Акчауров, Апоков, Арбогосов, Башлыков, Бельков, Игнашкин, Кайбичев, Какышев, Камзараков, Канзачаков, Капышев, Каралькин, Карачаков, Кучуков, Куюков, Кызлаков, Манжин, Набытов, Павлов, Пешперов, Пладок, Пронкин, Салагин, Сарубашев, Сарыбалы-

ков, Сузопов, Таскачаков, Теков, Токшунаков, Туюзевков, Тызычаков, Укунаков, Чабыков, Чарышев, Чаштанов, Чинчикеев, Чичканаков, Чудеков, Шахов (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2860); в 1916 г. – 48: Адьяков, Акпашев, Актелов, Акчеуров, Алапов, Алеков, Аргоков, Аржанов, Белов, Емеков, Камзараков, Карагашев, Карасев, Кокышев, Кочемишев, Кучуков, Куюков, Кызлаков, Кызынгашев, Кыстараков, Лабышев, Манжин, Маныжаков, Монаков, Онуфриев, Петрушкин, Плотоков, Рыспаев, Силин, Сончепов, Сузопов, Сурубашев, Сызыгашев, Сюзрюков, Тарасов, Таскачаков, Токумачев, Тостоков, Тундубачев, Чарлокаев, Чинчекоев, Чинчикеев, Чичканаков, Чудеков, Шалтыгашев, Шахов, Шелтыгашев, Шулбаков (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2860).

На рубеже XIX–XX вв. усилилась миграция населения в пределах региона, что привело к распространению одинаковых фамилий на территории разных волостей. По мнению В.Д. Славнина и Л.И. Шерстовой, подобная ситуация «отражает процесс “распыления” прежних этнонимических волостей, массовое включение их компонентов (родов, семей-толь) в состав формирующихся новых этносов Северного Алтая и сопредельных территорий» [2008, с. 85]. Анализ института фамилий автохтонов Алтая позволяет согласиться с мнением В.К. Чичагова о том, что фамилии – это «часть наименования, которая переходит из поколения в поколение, т.е. является постоянной частью в наименованиях представителей того или иного рода, в то время как другие составы наименований (имена и отчества) изменяются из поколения в поколение» [1959, с. 109]. Таким образом, можно сделать заключение о разнообразии способов образования фамилий автохтонного населения предгорий Северного Алтая – от названий родов, имен собственных, имен крестных или прозвищ и т.д. Трансформация фамилий продолжалась и в XX в.

Анализ современного состава фамилий коренного населения Северного Алтая

Современный состав фамилий коренного тюркоязычного населения Северного Алтая проанализирован с использованием изонимного подхода к оценке динамики генетико-демографической структуры населения. В основу исследования были положены материалы, сгруппированные по четырем периодам: 1900-е, 1940-е, 1970-е и 2000-е гг. Источниками информации послужили подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (ГААК. Ф. 233. Оп. 1, 1а, 1б) и похозяйственные книги сельских поселений за 1940-е, 1970-е и 2000-е гг. Материалы переписи 1917 г., аккумулированные в Государственном архиве Алтайского края, не содержат данных по коренному

населению бассейна р. Лебедь, где в начале XX в. проживало подавляющее большинство челканцев.

Данный пробел был восполнен благодаря привлечению посемейных списков населения Кондо-Шелкальской вол. за 1900 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 2599–2621, 2637). В территориальном плане исследование охватило традиционные места проживания кумандинцев, тубаларов и челканцев – территории современных административных структур Красногорского (Красногорская, Калташинская, Новозыковская, Усть-Кажинская с/а) и Солтонского (Нижне-Ненинская, Солтонская, Сузопская, Кумандинская с/а) р-нов Алтайского края, а также Турочакского (Турочакская, Толдошинская, Кебеземская, Артыбашская, Курмач-Байгольская с/а) и Чойского (Ыныргинская, Уйменская, Каракокшинская с/а) р-нов Республики Алтай. За 100-летний период коренное население из небольших айлов и улусов переехало в райцентры и крупные населенные пункты. Однако при этом сохранялась его стабильность в границах ареала, хотя отмечалась вариативность фонда фамилий населенных пунктов.

В ходе совместных экспедиций ИАЭТ СО РАН и КемГУ были зафиксированы и изучены фамилии 24 416 представителей коренных народов Северного Алтая (табл. 1). В Солтонском р-не зафиксированы 121, 17, 85 и 103 фамилии соответственно для четырех временных срезов (1900-е, 1940-е, 1970-е и 2000-е гг.), в Красногорском – 148, 59, 69 и 61 фамилия, в Турочакском – 317, 206, 249 и 411 фамилий, в Чойском – 88, 217, 174 и 416 фамилий.

Первичные материалы были организованы в виде компьютерных баз данных на основе пространства программы STATISTICA. Статистическая обработка проводилась стандартными биометрическими [Лакин, 1990; Боровиков, 2003] и специальными методами генетической демографии. Данные о распространении фамилий были проанализированы методом изонимии Дж.Ф. Кроу и А. Манжа [Crow, Mange, 1965] с использованием подходов, изложенных в работе Г.И. Ельчиновой и Н.В. Кривенцовой [2004]. Были рассчитаны: случайная изонимия (I_r), индекс миграций (v) и показатель разнообразия фамилий (α). Случайная (внутрипопуляционная) изонимия рассчитана по формуле:

$$I_r = \sum q_i^2,$$

где q_i – частота i -й фамилии в популяции. Индекс миграций рассчитан как

$$v = \frac{(1 - I_r)}{I_r(N - 1)},$$

где N – число индивидов в популяции, I_r – случайная изонимия, q_i – частота i -й фамилии в популяции. Данный показатель может принимать значения в границах от 0 (если в популяции только одна фамилия) до 1 (если число фамилий равно числу лиц в популяции).

Таблица 1. Изученные выборки коренного населения Северного Алтая

Район	Всего		1900-е гг.		1940-е гг.		1970-е гг.		2000-е гг.	
	Чел.	Фамилий	Чел.	Фамилий	Чел.	Фамилий	Чел.	Фамилий	Чел.	Фамилий
<i>Алтайский край</i>										
Красногорский	5 225	337	3 404	148	852	159	707	69	262	61
Солтонский	4148	326	2 498	121	149	17	858	85	643	103
<i>Республика Алтай</i>										
Турочакский	11 995	1 183	3 801	317	2 519	206	3 049	249	2 626	411
Чойский	3 048	895	1 081	88	436	217	385	174	1 146	416

Показатель разнообразия фамилий в популяции определяется по формуле [Zei et al., 1983; Barraï et al., 1992]:

$$\alpha = Nv(1 - v).$$

По числу общих фамилий был рассчитан коэффициент родства по изонимии (R_i) [Lasker, 1977]:

$$R_i = \frac{\sum(S_{i1} \cdot S_{i2})}{2N_1N_2},$$

где S_{i1} и S_{i2} – частота i -й фамилии в популяции, N_1 и N_2 – объемы выборки.

На первом этапе исследования у коренного населения Северного Алтая была проанализирована динамика фамилий этнообразующего блока, т.е. тех фамилий, которые с наибольшей частотой регистрируются в фонде фамилий населения определенных территорий (табл. 2). Очевидно, что на протяжении всего изученного периода состав фамилий этнообразующего блока в четырех районах Северного Алтая претерпевает изменения. Проведенное нами исследование позволило выявить только две фамилии – Кызлаков и Чинчикеев, которые встретились с высокой частотой на протяжении 100-летнего периода, т.е. как частые во всех четырех временных интервалах были зарегистрированы у коренного населения соответственно Солтонского и Красногорского р-нов Алтайского края.

В целом более стабильный состав фамилий этнообразующего блока отмечен у коренного населения Красногорского р-на Алтайского края (Чинчикеев, Шахов, Сатлаев) и Турочакского р-на Республики Алтай (Пустогачев, Кандараков, Сумочаков, Акпыжаев). Указанные фамилии с высокой частотой были выявлены в трех из четырех временных интервалах (за исключением фамилии Чинчикеев, которая регистрировалась во всех поколениях населения Красногорского р-на).

Что касается территориальных особенностей динамики фонда частых фамилий, то наибольшее изменение он претерпел у коренного населения Чойского р-на Республики Алтай. Отметим, что этот район

расположен вблизи (60 км) от административного центра – г. Горно-Алтайска. Это обуславливает повышенную миграционную активность населения и интенсивность аккультурационно-ассимиляционных процессов. Следует отметить ассимиляцию северных алтайцев со стороны как русского, так и титульного народа Республики Алтай – алтай-кижи. В результате носители таких фамилий, как Зяблицкие, Бусовы, Бедаревы и др., сменили этническую самоидентификацию.

Суммарный показатель частоты встречаемости пяти самых распространенных фамилий на всех исследованных территориях расселения северных алтайцев, как правило, не превышает 39 %. Отмечено лишь одно исключение: в 1940-х гг. в Солтонском р-не Алтайского края зарегистрирован значительный вклад частых фамилий в фамильную структуру – более 70 %. Это может быть следствием более высокого уровня рождаемости и, следовательно, большего числа детей в семьях носителей фамилий этнообразующего блока.

Динамика частоты редких фамилий может свидетельствовать об интенсивности ассимиляционных процессов, т.к. отражает проникновение в фонд фамилий населения «чужих» фамилий пришлых народов. Вместе с тем уменьшение числа носителей частых фамилий может отражать и динамику миграционной активности, например отток населения.

Во всех исследованных районах Северного Алтая доля редких фамилий (один – три носителя) имеет одинаковую положительную динамику – ее рост регистрируется с 1900-х по 2000-е гг. (табл. 3). Особенно выражен данный показатель у населения Чойского р-на Республики Алтай, где зарегистрированы самые высокие значения частоты редких фамилий и носителей редких фамилий.

Анализ спектра редких фамилий показал, что многие из их носителей – это потомки от смешанных браков, которые носят «чужую» фамилию, «пришедшую» с других территорий. Это свидетельствует об интенсификации ассимиляционных процессов коренного населения Северного Алтая и согласуется с результатами

Таблица 2. Часто встречающиеся фамилии у коренных народов предгорий Северного Алтая, %

Фамилия	1900-е гг.	1940-е гг.	1970-е гг.	2000-е гг.
1	2	3	4	5
<i>Солтонский р-н</i>				
Белов	5,24	–	–	–
Бычков	–	–	–	4,67
Гилев	6,53	–	–	–
Камзараков	3,44	–	–	–
Кызлаков	5,52	23,50	8,28	7,15
Лемжин	–	–	–	5,75
Осипов	–	–	5,36	–
Петрушенко	–	–	–	4,51
Платоков	–	9,40	–	–
Федотов	–	–	5,36	–
Черников	–	8,05	–	–
Чинчикеев	3,48	–	–	–
Шатобалов	–	9,40	14,80	10,11
Эмеков	–	20,13	3,61	–
<i>Всего</i>	24,21	70,48	37,41	32,19
<i>Красногорский р-н</i>				
Бедарев	2,82	–	–	–
Бусов	5,51	–	–	–
Зяблицкий	5,95	–	–	–
Казагачев	6,34	–	–	4,58
Кукоев	2,79	–	–	–
Кухтуеков	–	–	–	4,96
Майчиков	–	–	7,92	–
Петрушев	–	7,86	–	–
Сатлаев	–	6,81	5,66	8,02
Тебереков	–	–	5,51	–
Чинчикеев	3,70	14,08	8,91	4,58
Шахов	–	3,87	8,91	4,96
<i>Всего</i>	17,77	38,96	36,96	27,10
<i>Турочакский р-н</i>				
Акпыжаев	7,59	–	2,79	4,15
Барбачаков	–	4,53	3,90	–
Кандараков	–	4,25	4,53	2,86
Курусканов	–	–	–	2,25
Пустогачев	–	7,98	7,25	4,27
Сатлаев	1,23	–	–	–
Софронов	2,49	–	–	–
Сумочаков	–	2,86	4,33	2,13
Суртаев	1,44	–	–	–
Трапеев	–	2,46	–	–
Тюймешев	1,44	–	–	–
<i>Всего</i>	14,19	22,08	22,80	15,66

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
		<i>Чойский р-н</i>		
Асканаков	–	–	–	1,75
Белеев	–	3,90	2,08	2,18
Енчинов	–	3,67	–	–
Кумандин	–	–	2,60	–
Олчинов	–	–	–	2,53
Осипов	4,67	–	–	–
Санин	–	4,59	–	1,75
Сартаков	–	–	2,34	–
Тадышев	–	2,52	–	3,23
Таштамышев	3,91	–	–	–
Тоджоеков	4,33	–	–	–
Трушкоков	5,44	–	–	–
Тыдыков	3,74	–	–	–
Челчушев	–	–	3,12	–
Чулуков	–	2,29	–	–
Ядомыков	–	–	2,60	–
<i>Всего</i>	22,09	16,97	12,74	11,43

Примечание: выделены фамилии, зарегистрированные во всех четырех временных срезах.

Таблица 3. Накопление редких фамилий в популяциях северных алтайцев

Годы	Кол-во редких фамилий, ед.	Частота редких фамилий, %	Число носителей редких фамилий, чел.	Частота носителей редких фамилий, %
		<i>Солтонский р-н</i>		
1900-е	15	12,40	35	1,40
1940-е	8	47,06	17	11,41
1970-е	40	47,06	68	7,93
2000-е	57	55,34	100	15,55
		<i>Красногорский р-н</i>		
1900-е	11	7,43	25	0,73
1940-е	11	18,64	22	2,58
1970-е	31	44,93	53	7,50
2000-е	33	54,10	56	21,37
		<i>Турочакский р-н</i>		
1900-е	62	19,56	149	3,92
1940-е	69	33,50	119	4,72
1970-е	97	38,96	195	6,40
2000-е	222	54,01	405	15,42
		<i>Чойский р-н</i>		
1900-е	11	12,59	31	2,87
1940-е	190	87,56	250	57,34
1970-е	148	85,06	224	58,18
2000-е	337	81,01	460	40,14

предшествующего исследования динамики структуры браков коренных народов [Лавряшина и др., 2013]. Именно в начале 2000-х гг. в Солтонском р-не Алтайского края и Чойском р-не Республики Алтай нами была зафиксирована самая высокая доля межнациональных браков.

Интересно, что наряду с административной прагматикой документов ЗАГСа и пр. в среде автохтонного населения предгорий Северного Алтая сохраняются иррациональные представления о причинах исчезновения фамилий. Согласно воспоминаниям жителей сел, например, шаман по просьбе сородичей мог причинить вред роду, к которому принадлежал человек, совершивший преступление (убийство, изнасилование и т.д.). Считалось, что из-за проклятия в роду этого человека могли рождаться только девочки, и фамилия постепенно исчезала. Именно этим информаторы объясняют сокращение количества кумандинских фамилий в XX в. [Николаев, 2012].

По данным проведенного анализа динамики фамильной структуры коренного населения Северного Алтая можно выделить несколько основных факто-

ров, оказавших влияние на смену качественного и количественного состава фамилий на протяжении четырех поколений. К таковым несомненно относятся: миграции, ассимиляция и особенности воспроизводства коренных народов.

Распределение фамилий в пределах одного региона обусловлено сложными процессами, в которых находит отражение история популяции, в т.ч. ее миграционная компонента [Казаченко и др., 1980]. В настоящем исследовании данные о частоте фамилий использованы для расчета индекса миграций, показателя разнообразия фамилий, а также для получения оценки случайной изонимии (табл. 4). Индекс случайной изонимии – это показатель, отражающий уровень инбредности (заключение близкородственных браков) популяций. Инбредности противостоят процессы миграции, в т.ч. брачной, которые находят отражение в динамике индекса миграций и показателя разнообразия фамилий.

Анализ динамики фамильной структуры коренного населения Северного Алтая выявил следующие территориальные особенности: максимальное разно-

Таблица 4. Демографические показатели, характеризующие структуру популяций коренного населения Северного Алтая, по данным фонда фамилий

Временной период (годы)	N/N_{Φ}	I_r	ν	α
<i>Солтонский р-н</i>				
1900-е	2498 / 121	0,7675	0,0001	0,30
1940-е	149 / 17	0,1207	0,0449	7,01
1970-е	858 / 85	0,0467	0,1238	20,95
2000-е	643 / 103	0,0322	0,0468	31,59
<i>Красногорский р-н</i>				
1900-е	3404 / 148	0,0185	0,0156	53,98
1940-е	852 / 159	0,0480	0,0233	20,35
1970-е	707 / 69	0,0426	0,0318	23,24
2000-е	262 / 61	0,0303	0,1227	36,65
<i>Турочакский р-н</i>				
1900-е	3801 / 317	0,0111	0,0234	91,02
1940-е	2519 / 206	0,0182	0,0215	55,24
1970-е	3049 / 249	0,0177	0,0182	56,45
2000-е	2626 / 411	0,0099	0,0383	104,50
<i>Чойский р-н</i>				
1900-е	1081 / 88	0,0227	0,0398	44,85
1940-е	436 / 217	0,0115	0,1976	107,38
1970-е	385 / 174	0,0105	0,2466	126,01
2000-е	1146 / 416	0,0075	0,1161	150,59

Примечание: N – число обследованных; N_{Φ} – число фамилий; I_r – случайная изонимия; ν – индекс миграций; α – показатель разнообразия фамилий.

Таблица 5. Коэффициент родства по изонимии (R_i) в алтайских популяциях

Годы	Район			
	Солтонский	Красногорский	Турочакский	Чойский
1900-е /1940-е	0,000088	0,000021	0,000028	0,002674
1900-е /1970-е	0,000020	0,000028	0,000023	0,000171
1900-е /2000-е	0,000033	0,000071	0,000030	0,000457

образе фамилий зарегистрировано у коренных народов в Турочакском и Чойском р-нах Республики Алтай в начале 2000-х гг.; минимальное разнообразие фамилий, по сравнению с другими исследованными территориями, отмечено в Солтонском р-не Алтайского края во всех периодах, однако в этом районе, как и в Чойском, на протяжении столетия отмечен рост данного показателя; в Турочакском и Красногорском р-нах показатель разнообразия фамилий варьирует, однако при однонаправленной тенденции к увеличению с 1940-х по 2000-е гг. в Красногорском р-не он не достигает значений первого исследуемого временного отрезка, т.е. 1900-х гг.

Полученные оценки разнообразия фамилий определяют уровень показателя случайной изонимии у коренного тюркоязычного населения исследованных территорий Северного Алтая (табл. 4). Как и ожидалось, в рассматриваемые периоды самые высокие значения отмечены у населения Солтонского р-на Алтайского края (0,7675; 0,1207; 0,0467 и 0,0322 соответственно). Обращает на себя внимание снижение величины случайной изонимии, что связано с ростом суммарной частоты носителей пяти частых фамилий за 1900-е – 1940-е гг.

Накопление редких фамилий, выявленное к началу 2000-х гг. на всех исследованных территориях компактного расселения северных алтайцев, может являться следствием миграционных процессов, а также межэтнических браков, доля которых увеличивается в рассматриваемый период. Разный уровень такого накопления и особенности динамики частоты встречаемости редких фамилий и их носителей (см. табл. 2) в отдельных исследованных районах отражают территориальные особенности миграций.

В Солтонском и Красногорском р-нах Алтайского края индекс миграций, рассчитанный по частотам фамилий, минимален в 1900-х гг., причем это самые низкие значения среди всех, полученных для разных территорий и временных отрезков. К началу 2000-х гг. значения этого индекса возросли, что нашло отражение не только в увеличении показателя разнообразия фамилий, но и в сокращении численности коренного населения в данных районах [Николаев, 2012]. Самое высокое значение индекса миграции зафиксировано в Чойском р-не (0,2466) в 1970-х гг. Несмотря на некоторое снижение его величины в 2000-е гг. по срав-

нению с 1970-ми гг., здесь уровень миграционной активности населения остается самым высоким во всех изученных временных интервалах. С учетом полученных выводов на основании фамильного разнообразия был оценен уровень родства, характеризующий сходство фамильного состава коренного населения на исследованных территориях Северного Алтая во всех четырех периодах (табл. 5). Значения коэффициента родства при сравнении в ряду поколений коренного населения исследованных территорий Северного Алтая за 100 лет оказались невысокие.

Наибольшее сходство фамильного состава характерно для коренного населения Чойского р-на Республики Алтай в поколениях 1900-х и 1940-х гг. Наиболее удаленными оказались поколения коренного населения Солтонского р-на Алтайского края в 1900-х – 1970-х гг. Низкие значения коэффициентов родства по изонимии, полученные для сельских территориальных групп северных алтайцев для разных периодов, свидетельствуют о значительной трансформации фонда фамилий коренного населения этого региона. Это может быть следствием миграций, в т.ч. брачных, и усиления ассимиляционных процессов.

Выводы

Исследование динамики структуры коренных народов Северного Алтая (челканцев, кумандинцев и тубаларов), проведенное с использованием изонимного подхода, позволило заключить, что наиболее стабильной фамильной структурой на протяжении 100 лет характеризуется население Турочакского р-на Республики Алтай. Отмеченное в Чойском р-не Республики Алтай стабильное снижение на протяжении XX – начала XXI в. суммарной частоты фамилий этнообразующего блока может свидетельствовать о более интенсивных процессах миграции коренного населения, по сравнению с другими районами, а также о нарастающих ассимиляционных процессах.

Суммарный показатель частоты встречаемости пяти самых распространенных фамилий среди коренного населения региона не превышает 39 %. Низкие значения коэффициентов родства по изонимии, полученные при сравнении поколений в рамках сельских территориальных групп разных периодов, демон-

стрируют значительную трансформацию фамильной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая. По итогам анализа удалось установить, что на фамильное разнообразие и его динамику оказывают влияние различные демографические процессы, прежде всего миграции. Так, для Красногорского р-на Алтайского края характерен преимущественно отток населения, для Солтонского р-на – снижение численности населения и увеличение доли потомков от смешанных браков, для Чойского р-на Республики Алтай – интенсивные миграционные потоки как в субпопуляцию, так и из нее с одновременным ростом уровня метисации.

В целом полученные результаты согласуются с выводами предшествующих генетико-демографических исследований, позволяющими говорить о высокой степени подвижности коренного населения Северного Алтая и активных процессах метисации в его среде.

Список литературы

- Балановская Е.В., Балановский О.П.** Русский генофонд на русской равнине. – М.: Луч, 2007. – 416 с.
- Бельгибаев Е.А.** Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX – XX в.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 300 с.
- Боргояков М.И.** О происхождении и распространении хакасских фамилий // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1972. – Вып. 17. – С. 235–241.
- Боровиков В.** STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере: для профессионалов. – СПб.: Питер, 2003. – 688 с.
- Бутанаев В.Я.** Происхождение хакасских родов и фамилий. – Абакан: Хакасия, 1994. – 93 с.
- Горный Алтай** и его население. – Барнаул: [Тип. Гл. упр. Алт. окр.], 1900–1903. – Т. 1: Кочевники Бийского уезда, вып. 1. – 1900. – 360 с.; Т. 2: Экономические таблицы. – 1901. – 309 с.; Т. 3: Оседлые инородцы Бийского уезда, вып. 2. – 1902. – 73 с.; Т. 3: Кумандинцы, вып. 4. – 1903. – 253 с.; Т. 6: Черневые татары Кузнецкого уезда, вып. 1. – 1903. – 853 с.
- Ельчинова Г.И., Зинченко Р.А.** Допустимость использования татарских фамилий в качестве квазигенетического маркера в популяционно-генетических исследованиях // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. XXIII: Антропология. – 2010. – № 2. – С. 55–61.
- Ельчинова Г.И., Кривенцова Н.В.** Методы обработки популяционно-генетических данных: списки избирателей // Мед. генетика. – 2004. – Т. 3, № 5. – С. 220–225.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.** [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: 28. 09. 2012).
- Казаченко Б.Н., Ревазов А.А., Тырлычева Л.В., Лавровский В.А.** Использование фамилий для изучения факторов динамики популяционной структуры // Генетика. – 1980. – Т. 16, № 11. – С. 2049–2057.
- Кимеев В.Н., Функ Д.А.** Фамильный состав сеока Чедыбер у телеутов, кумандинцев и шорцев // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг.: тез. докл. науч. сессии. – Л., 1989. – С. 44–45.
- Кривоногов В.П.** Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1998. – 320 с.
- Кучер А.Н., Данилова А.Л., Конева Л.А., Ноговицына А.Н.** Популяционная структура сельских населенных пунктов Республики Саха (Якутия): фамильная структура // Генетика. – 2007. – Т. 43, № 6. – С. 818–826.
- Кучер А.Н., Тадинова В.Н., Пузырев В.П.** Генетико-демографическая характеристика сельских популяций Республики Алтай: половозрастной состав, фамильная и родовая структура // Генетика. – 2005. – Т. 41, № 2. – С. 254–260.
- Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Балановская Е.В.** Динамика фамильного состава как показатель изменения популяционной структуры коренных этносов Южной Сибири // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. XXIII: Антропология. – 2009. – № 3. – С. 14–22.
- Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Васинская О.А., Фролова С.А., Диброва Х.Д., Балановская Е.В.** Генетический портрет десяти малых народов Южной Сибири. Сообщение I: Полиморфизм аутомомных ДНК маркеров // Мед. генетика. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 12–17.
- Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Октябрьская И.В., Николаев В.В., Толочко Т.А., Дружинин В.Г.** Динамика межэтнических взаимодействий коренных народов (демографический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 131–142.
- Лавряшина М.Б., Ульянова М.В., Толочко Т.А., Балаганская О.А., Романов А.В., Балановская Е.В.** Шорцы: сходство и различие территориальных групп по данным фонда фамилий и аутомомных ДНК маркеров // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. XXIII: Антропология. – 2011. – № 2. – С. 66–77.
- Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М.: Высш. шк., 1990. – 352 с.
- Лузина Ф.А., Колбаско А.В., Лотош О.Е.** Демографическая структура и ее динамика у телеутов // Бюл. СО РАН. – 2006. – № 3. – С. 60–63.
- Люцидарская А.А.** Личное имя в системе коммуникативной культуры (Сибирь XVI – нач. XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 92–96.
- Нечипоренко О.В., Октябрьская И.В.** Современные этнополитические процессы в Республике Алтай: элита и электорат // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 5. – С. 241–246.
- Николаев В.В.** Коренное население предгорий Северного Алтая: тенденции демографического развития (XIX – начало XXI в.) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. – 2009. – № 4/3. – С. 146–149.
- Николаев В.В.** Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.
- Николаев В.В.** Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая в конце XIX – начале XX в. (по данным метрических книг) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2, ч. 2. – С. 231–248.

Октябрьская И.В., Нечипоренко О.В., Озонова А.А., Пустогачева С.Ч. Современные этнополитические процессы в Республике Алтай. Проблема малочисленных коренных народов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 519–524.

Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б. Динамика демографических процессов в различных территориальных группах кумандинцев Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. II. – С. 135–143.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.

Резазов А.А., Парадеева Г.М., Русакова Г.И. Пригодность русских фамилий в качестве «квазигенетического» маркера // Генетика. – 1986. – Т. 22, № 4. – С. 699–703.

Славнин В.Д., Шерстова Л.И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2008. – С. 85–124.

Соболева С.В., Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б. Системная оценка современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае в связи с проблемой коренных малочисленных народов (по материалам исследований в Турачакском и Чойском районах Республики Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 102–114.

Тадина Н.А., Ябышпаев С.Н. О русской структуре современных антропонимов у алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 231–233.

Ульянова М.В. Динамика популяционно-генетической структуры шорцев Южной Сибири: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2010. – 23 с.

Ульянова М.В., Лавряшина М.Б., Зайцева В.А., Октябрьская И.В. Этнодемографическая характеристика населения Солтонского района Алтайского края. Динамика брачно-миграционной структуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. II. – С. 147–150.

Ульянова М.В., Лавряшина М.Б., Октябрьская И.В., Зайцева В.А. Исследование динамики этно- и генетико-демографических процессов среди коренных малочисленных народов Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. IX, ч. II. – С. 142–147.

Функ Д.А. Традиционная антропонимическая модель челканцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 137–146.

Функ Д.А. Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским наро-

дам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение: электрон. науч. журн. – 2005. – [Май.] – С. 1–18. – URL: <http://journal.iea.ras.ru/online>.

Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.Ф., Спиридонова М.Г., Воевода М.И., Тадинова В.Н., Пузырев В.П. Различия структуры генофондов северных и южных алтайцев по гаплогруппам у-хромосомы // Генетика. – 2007. – Т. 43, № 5. – С. 675–687.

Челухоева И.В. Инбридинг в популяции телеутов (по данным о родовой и фамильной структуре) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М.: РАН, 1994. – С. 105–126.

Чиспяков Э.Ф. О структуре шорских фамилий // Языки и топонимия. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – Вып. 6. – С. 157–165.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

Шатинова Н.И. Национально-смешанные браки в Горном Алтае (19–20 вв.) / Учен. зап. Горно-Алт. НИИЯЛИ. – Горно-Алтайск, 1970. – Вып. 2. – С. 25–29.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб., 1891. – 308 с.

Barral I., Formica G., Scapoli C., Beretta M., Volinia S., Barale R., Ambrosino P., Fontana F. Microevolution in Ferrara: isonymy 1890–1990 // Ann. Hum. Biol. – 1992. – Vol. 19. – P. – 371–385.

Bouden G.R., Balaesque P., King T.E. Excavating past population structures by surname-based sampling: the genetic legacy of the Vikings in northwest England // Mol. Biol. Evol. – 2007. – Vol. 25. – P. 301–309.

Cavalli-Sforza L.L., Bodmer W.F. The genetics of human populations. – San Francisco: Freeman and Co., 1971. – 965 p.

Crow J.F., Mange A.P. Measurement of inbreeding from the frequency of marriages between persons of the same surname // Eugen. Quarterly. – 1965. – Vol. 12, N 4. – P. 199–203.

King T.E., Ballereau S.J., Schurer K.E., Jobling M.A. Genetic signatures of coancestry within surnames // Curr. Biol. – 2006. – Vol. 16. – P. 384–388.

Lasker G.W. A coefficient of relationship by isonymy: a method for estimating the genetic relationship between populations // Human. Biol. – 1977. – Vol. 49(3). – P. 489–493.

Longley P.A., Cheshire J., Mateos P., Longley P.A. Creating a regional geography of Britain through the spatial analysis of surnames // Geoforum. – 2011. – Vol. 42(4). – P. 506–516.

Zeil G., Guglielmino C.R., Siri E. et al. Surnames as neutral alleles: Observations in Sardinia // Hum. Biol. – 1983. – Vol. 55(2). – P. 357–365.

Материал поступил в редколлегию 04.04.14 г.